

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 мая 2010 г.

Аннотация: *в статье рассматривается явление, характерное для российской научной и общественной жизни второй половины XIX в., – интерес к трудам немецких исследователей в области новой истории. Этот аспект российской университетской историографии всеобщей истории до сих пор не был предметом специального рассмотрения. Анализируются пути взаимовлияния российской и германской науки XIX в. в изучении новой истории.*

Ключевые слова: *российская и германская научная мысль, историография новой истории.*

Abstract: *the article is concerned with the contribution of Russian liberal scientific thought to researches of the main problems of modern history by German science in the second half of the XIX century. It is the first elaboration of this subject.*

Key words: *Russian and German scientific thought, historiography of the main problems of modern history.*

Интерес к трудам немецких историков оставался характерным явлением российской научной жизни в течение всего XIX в. В начальный период существования российских университетов преподавание в них всеобщей истории во многом определяли достижения исторической науки в Германии. Первыми преподавателями этой дисциплины были выходцы из германских земель, окончившие там университеты и приглашенные работать в Россию. Немецкая учебная и исследовательская литература служила основой преподавания всеобщей истории в российской высшей школе. Германия оставалась единственной европейской страной, куда направлялись для подготовки к научной и преподавательской деятельности выпускники российских университетов, решившие заниматься изучением и в дальнейшем преподаванием зарубежной истории.

Этот аспект российской университетской историографии всеобщей истории не становился до сих пор предметом специального рассмотрения. Основные достижения и идеи немецких историков XVIII и XIX вв. представлены в вышедшей на рубеже XIX–XX вв. работе Р. Ю. Виппера [1]. Свидетельством интереса к

этой проблематике стала работа В. П. Бузескула «Современная Германия и немецкая историческая наука» [2]. В советской исторической науке характеристика взглядов немецких историков-медиевистов дана О. Л. Вайнштейном, Е. А. Косминским [3], сведения об историках нового времени можно почерпнуть из принадлежащей перу О. Л. Вайнштейна главы коллективного труда «Историография нового времени стран Европы и Америки» [4]. Изучение немецкой исторической науки первой половины XIX в. в связи с формированием марксизма было предпринято Б. Г. Вебером [5].

Уже в первой половине XIX в. для лучших российских историков была очевидна необходимость качества, которое менее чем через полвека стало характерным для «русской школы» в изучении всеобщей истории – постановки и решения общих вопросов исторического развития, стремления не ограничиваться частностями. Российским университетским профессорам представлялась важной не только фактическая сторона исторических сочинений, но и методологические позиции, с которых велось изложение материала. Главное историографическое положение – отказ от факта ради факта, что наблюдается практически у всех ученых, требование,

чтобы толкование источников и отдельных событий обязательно предполагало выходы к более общим проблемам, – стало завоеванием отечественной историографии зарубежной истории уже к середине XIX в.

Для второй половины XIX в. интерес к трудам немецких историков превратился в явление российской не только научной, но и общественной жизни. Круг лиц, знакомых с работами крупнейших представителей исторической науки Германии, стал более широким. В конце 50-х – начале 60-х гг. появились в переводе на русский язык восьмитомная «История XVIII века» Фридриха Кристофа Шлоссера (1776–1861) [6] и первые два тома «Истории Французской революции и ее времени» Генриха фон Зибеля (1817–1895) [7]. В 1870 г. были изданы на русском языке лекции по истории Французской революции профессора Гейдельбергского университета Людвига Гейссера (1818–1867), в 1882 г. – его лекции по истории Реформации [8]. В 1898 г. вышел русский перевод обобщающего курса Леопольда фон Ранке (1795–1886) об эпохах новой истории [9].

Причины этого интереса раскрыл будущий профессор Харьковского университета М. Н. Петров (1826–1887) в очерках немецкой, английской, французской исторической литературы. Он признавал, что «господствующая черта немецкой историографии – ее «универсальный характер», которым не может с нею соперничать ни одна историческая литература. Обнимая своими исследованиями историю всех времен и народов, она уже по этому одному сделалась единственным и неизбежным основанием всякого серьезного исторического образования» [10, с. 2].

С этим М. Н. Петров связывал и тот факт, что «только в немецкой литературе при ее изумительном богатстве разнообразнейших специальных исследований мог возникнуть целый ряд лучших... «всеобщих историй», начиная с трудов Беккера, Роттека и Шлоссера с их всемирною популярностью». Петров не отрицал вместе с тем и многих существенных недостатков немецкой исторической литературы. Он сводил их в основном к ее «недоступности для масс обыкновенной публики», к «незначительности ее практического влияния на жизнь». Им были проанализированы достижения европейской исторической науки. Преимущество английской историографии по сравнению с немецкой заключалось, в его глазах, в ее «практической приложимости, в уменьшении гражданского воспитания общества», французской – «в искусстве логической организации материала, в ясности и правильности исторической архитектони-

ки», той и другой – в таланте художественного рассказа. «Самая «объективность», за которую так гоняется современная историческая школа в Германии, может служить достойным идеалом только высшей, чистой науке...; на массы общества, нуждающиеся в простом, общедоступном политическом воспитании, возможном только при единстве принципов и взглядов, проведенных через все эпохи исторического развития, она не может действовать благотворно», – констатировал М. Н. Петров [10, с. 4–6].

Противопоставляя отмечавшимся им здесь и в ходе дальнейшего изложения слабым сторонам немецкой исторической литературы «всеобъемлющую область ее исследований, ее железное терпение и настойчивость в разрешении труднейших и запутаннейших вопросов науки, ее беспримерное трудолюбие в собирании и разработке источников и памятников, ее добросовестную основательность и строгий критический метод», Петров отводил ей «первое место между европейскими литературами» [10, с. 6–7].

Общая оценка Петровым немецкой исторической науки его времени характерна и показательна как свидетельство чуждого национально-пристрастия вдумчивого и наблюдательного русского современника с незаурядным историческим чутьем и вкусом, с широким историографическим кругозором. Хотя Петров, по его словам, и предпочитал опираться на мнения, которые «пользуются в науке наибольшим уважением» [10, с. VI], выводы его – результат пристального, самостоятельного изучения развития исторической мысли, накопления исторических знаний и постановки исторического образования за рубежом не только по книгам, но и непосредственно на месте, в личном общении с историками во время его двухгодичного пребывания за границей [11]. Приведенные суждения российского исследователя отражают все более широкое признание, которое приобретала на исходе первой и к началу второй половины XIX в., после революционных событий 1848 г., немецкая академическая историография в глазах историков Европы не только в силу ряда несомненных достоинств и достижений, но и в силу столь же несомненной и с течением времени все более явной политической и научной ограниченности.

Гуманизм и реформация наложили глубокий, неизгладимый отпечаток на все последующее развитие немецкой исторической мысли. С XVI в. в центре ее внимания стояли вопросы богословские и филологические. Если они и не полностью определяли, то во всяком случае так или иначе окрашивали в соответствующие тона

ее общую историческую и философско-историческую проблематику. И так это было не только до конца XVIII в., но в значительной мере и в дальнейшем. Теологический элемент оставался наиболее слабым звеном немецкого исторического мышления, которое не мог преодолеть до конца ни один из корифеев классической идеалистической философии Германии – от Лейбница до Гегеля включительно. Наиболее же сильной стороной немецкой исторической мысли была филология.

В 1865 г. начал чтение лекций в Московском университете В. И. Герье (1837–1919). В качестве введения к своему первому университетскому курсу он напечатал небольшой «Очерк развития исторической науки». «Очерк» этот содержит обзор ряда религиозно-исторических, историко-философских, социологических и исторических построений европейских мыслителей.

Начиная со страниц, посвященных последним десятилетиям XVIII в. – периоду Французской революции, – речь у Герье идет уже только об историко-философских построениях немецких мыслителей-идеалистов – Гердера, Канта, Шеллинга, Гегеля – и об исторических взглядах немецких историков. Говоря о И. Г. Гегеле, В. И. Герье придавал особое значение понижающему его философию истории идеализму и уже в 60-х гг. уделял лишь минимальное внимание его диалектическому подходу к истории [12, с. 60–71, 77–79]. Касаясь исторической школы права, Герье не упускал случая подчеркнуть, что «корифеи этой школы – Гуго, Савиньи, Эйхгорн – составляют столько же гордость исторической науки, сколько и юридической» [12, с. 24]. Вместе с тем он проходил мимо того основного для оценки этой школы факта, что ее теории и конструкции были немецким вариантом общеевропейской реакции на Французскую революцию. А ведь эти построения сам же Герье связывал с «политической реакцией, следовавшей за Французской революцией и войнами за освобождение» [12, с. 75]. Равным образом В. И. Герье умалчивал, что на той же самой почве возникла и немецкая «историко-критическая школа», вошедшая в историографию под именем «школы Ранке» и представлявшая собой в глазах московского профессора последнее слово исторической науки [12, с. 84–85]. Школа эта была, вопреки мнению Герье, отнюдь не только реакцией против вторжения в историю философии, которая в Германии на определенном этапе развития играла роль своего рода «немецкой теории Французской революции», а затем стала, в форме философии Шеллинга, одним из основных орудий идейной

борьбы против Французской революции и ее традиций. Наряду с философией Шеллинга и исторической школой права, «историко-критическая школа» не только зародилась, но и развивалась в дальнейшем в основной своей части как одно из проявлений реакции против революции XVIII в. во Франции и последовавших за нею революций и революционных движений в Европе XIX столетия, что Герье полностью игнорировал.

В непосредственной связи с упоминанием исторической школы права Герье упрекал юридический факультет Московского университета за то, что он «исключил из числа своих предметов преподавание всеобщей и русской истории». Это, по мнению Герье, чревато было распространением «незрелых фантастических теорий», как он называл революционно-демократические идеи, противопоставляя им взгляды Гуго, Савиньи, Эйхгорна [12, с. 23–24].

Дальнейший интерес российского ученого к немецкой историографии связан с двумя его длительными заграничными командировками в 1865–1870 гг. Особенно большую роль сыграло в этом отношении продолжительное пребывание В. И. Герье в Германии, где годы конституционного конфликта сменились торжеством реакции и где к тому времени уже победил в основном прусско-юнкерский путь объединения страны.

Политические симпатии к прусско-германскому национал-либерализму, этому образцу победившей в Германии в 1848–1849 гг. и вторично – в 60-х гг. юнкерской реакции, дополнялись у Герье в научной области тем, что после своей заграничной командировки он стал еще более ярко выраженным поклонником немецкого философского идеализма и исторической школы Л. фон Ранке – Г. фон Зибеля, господствовавшей в то время в немецкой академической науке.

Когда В. И. Герье впервые в России взялся за конкретное изучение и университетское преподавание истории Французской революции XVIII в., то при его тяготении к немецкому национал-либерализму и к господствовавшей в Германии исторической школе было бы, казалось, естественно положить в основу занятий этой темой труд тогдашнего фактического главы немецких историков официального малогерманского направления Генриха фон Зибеля «История революционного времени». На самом деле это было не так. По первоначальному замыслу и по содержанию сочинение Г. Зибеля представляло собой разросшийся до пяти томов, выходявших на протяжении четверти века – с 1853 до 1879 г., националистический, в прус-

ском духе выдержанный политический памфлет, хотя и оснащенный большим, ценным архивным материалом и прочими атрибутами академической эрудиции «школы Ранке» на новом, характерном для второй половины XIX в. этапе ее развития.

Труд этот задуман был Зибелем под свежим впечатлением революционных событий 1848–1849 гг., в ходе которых германская буржуазия, напуганная стремлением пролетариата к самостоятельным действиям в революции, «отвернулась от демократии, которую раньше защищала».

В сочинении Зибеля о революционных событиях конца XVIII столетия нашли настолько адекватное выражение характерные черты немецкой буржуазии, пережившей революционные события середины XIX в., что труд этот оказался одним из самых популярных произведений исторического творчества немецкого национал-либерализма, под знаменем которого выступали отныне широкие слои не только крупной буржуазии, но и среднего бюргерства. В Германии в 1848–1849 гг. и вторично – в 60-х гг., в период «конституционного конфликта», буржуазия изменила демократизму и предала крестьянство, своего самого естественного союзника, без которого она оказалась бессильной против дворянства. Результатом подобного воспитания и были немецкий национал-либерализм, его историческая наука, книга Зибеля «История революционного времени» и ее успех в кругах немецкой буржуазии и интеллигенции.

Но именно то, что делало книгу Г. Зибеля столь популярной у немецкой читающей публики, заставляло отворачиваться от нее русского читателя.

Итогом первой трехгодичной научной командировки Герье за границу была его вышедшая в 1868 г. докторская диссертация «Лейбниц и его век». Это большое исследование было в основном посвящено истории идейного развития Европы, что в соответствии с общей политической и методологической эволюцией автора стало уже к тому времени излюбленной его областью. В. И. Герье ставил задачу показать роль Лейбница «в великом перевороте, совершившемся с XV в. до XVII и отделяющем новое время от средних веков» [13, с. 1]. Преимущественное внимание, уделяемое здесь автором проблемам переходного периода от средних веков к новому времени, сближало данный его труд с кругом основных научных интересов М. Н. Петрова и профессора Петербургского университета В. В. Бауера (1833–1884). При этом, однако, Герье, в отличие от Петрова и Бауера, с особой симпатией подчер-

кивал в своих выводах, что «Лейбниц, содействуя торжеству новых начал, не относился враждебно к прошедшему» [13, с. 590].

Стремясь описать жизнь и деятельность Лейбница «в связи с его веком и современным ему обществом», В. И. Герье характеризовал внутреннюю обстановку Германии и международные отношения конца XVII – начала XVIII в. Отличительной чертой данного труда Герье была систематически проводимая автором пропаганда медленного и постепенного прогресса под эгидой «просвещенных» монархов.

Хотя ученый и получил широкую возможность собирать материалы для докторской диссертации за границей, она построена была, в отличие от его магистерской диссертации, главным образом не на архивных документах, а на печатных источниках, и в первую очередь на собрании сочинений Лейбница, которое выходило под редакцией Гурауера, биографа Лейбница и видного знатока его научного наследия.

В 1871 г., после новой заграничной командировки, Герье выпустил своеобразное дополнение к книге «Лейбниц и его век» в качестве второго, значительно меньшего по объему тома этого произведения, имевшего вместе с тем самостоятельный заголовок – «Отношение Лейбница к России и Петру Великому». Труд этот уже целиком основывался на неизданных материалах Ганноверской библиотеки, которые опубликованы были Герье в выпущенном им в 1871 г. «Сборнике писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому». Эта небольшая монография вместе с тесно связанной с ней публикацией была первой русской работой по истории нового времени, написанной на основе заграничных архивных фондов. В то же время это была первая русская работа по новой истории, которая была переведена на иностранный – немецкий – язык (в 1873 г.).

Таким образом, можно констатировать появление и нарастание критического отношения к достижениям германской исторической науки в среде российской университетской профессуры во второй половине XIX в. Одновременно необходимо отметить первое признание заслуг российских коллег в изучении западноевропейской истории Нового времени, свидетельством чего стал перевод на немецкий язык труда В. И. Герье, сделавший работу московского профессора доступной для зарубежных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bunner P. Ю.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. / Р. Ю. Вишпер. – СПб., 1900.

2. Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука / В. П. Бузескул. – Пг., 1915.
3. Вайнштейн О. Л. Историография средних веков / О. Л. Вайнштейн. – М.; Л., 1940; Косминский Е. А. Историография средних веков / Е. А. Косминский. – М., 1964.
4. Историография нового времени стран Европы и Америки. – М., 1967. – С. 142–159.
5. Вебер Б. Г. Историческая наука ко времени формирования марксизма. Немецкая историография первой половины XIX в. / Б. Г. Вебер // Маркс-историк. – М., 1968. – С. 49–82; Вебер Б. Г. К. Маркс, Ф. Энгельс и немецкая историография ко времени формирования марксизма // Вебер Б. Г. Историографические проблемы / Б. Г. Вебер. – М., 1974. – С. 3–97.
6. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы Ф. К. Шлоссера / Ф. К. Шлоссер. – СПб., 1858 – 1860. – Т. 1–8.
7. Зибель Г., фон. История французской революции и ее времени / Г. Зибель. – СПб., 1863–1865. – Ч. I–II.
8. Гейссер Л. Лекции по Французской революции / под ред. А. С. Трачевского / Л. Гейссер. – М., 1870; Гейссер Л. Лекции по истории реформации / под ред. В. М. Михайловского / Л. Гейссер. – М., 1882.
9. Ранке Л. Об эпохах новой истории / Л. Ранке. – М., 1898.
10. Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии Франции: сравнительный историко-библиографический обзор / М. Н. Петров. – Харьков, 1861.
11. Отчет о занятиях адъюнкта императорского Харьковского университета М. Н. Петрова в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии с июля 1858 по июль 1860 года. – Харьков, 1861.
12. Герье В. И. Очерк развития исторической науки / В. И. Герье. – М., 1865.
13. Герье В. И. Лейбниц и его век / В. И. Герье. – СПб., 1868.

Воронежский государственный университет

Афонюшкина А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 8(4732) 24-75-14

Voronezh State University

Afonushkina A. V., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8(4732) 24-75-14